

УДК 130.3

О.В. Панченко, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053***ДИАЛОГ РЕЛИГИИ И ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ АВЕРРОЭСА**

Рассматриваются возможности влияния религиозно-философских идей арабского мыслителя Ибн-Рушда на развитие европейской и арабской культур.

Ключевые слова: *вера, двойственность, знание, истина, разум, человек.*

Загадочность – универсальная характеристика жизни, характеризующая природу, индивидов, социум, если они представляют интерес для познающего субъекта. Во избежание превращения в сухие абстракции, в банальные истины, категории нуждаются в наполнении новыми смыслами. Сделать шаг к пониманию «загадочности» помогает герменевтическая методология, раскрывающая в конкретизациях смысл феноменов сознания и бытия; а для того чтобы историческое событие или теория стали уроком, эффективен трансцендентальный метод сравнения. Особенность историко-философских сопоставлений отметил французский социолог Р. Арон, который подчеркивал, что история есть одна из форм сознания, которое общество имеет о самом себе, подобно тому, как самосознание есть аспект сознания личного. А оптимальными критериями истинности полученных интерпретаций являются их проверка опытом и практическая эффективность.

Выбор для исследования того или иного философского учения определяется не только произвольно-случайно, комплексом субъективных предпосылок, но и объективно-необходимо, востребованностью, свидетельствующей о наличии в учении моментов всеобщего.

В решении актуальной проблемы современности – диалога культур Востока и Запада – обращение к ядру ментальности народов, ее рациональной и иррациональной составляющим, философии и религии, имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Обе сферы сознания, выражаясь языком социологии, выполняют функцию «воспроизводства структуры» (Т. Парсонс), остова социального целого.

Прояснению знаний о себе, взаимопониманию двух «сестер» и двух культур может поспособствовать определение места в истории философии выдающегося арабского философа Ибн-Рушда, латинизированного как Аверроэс. Сравнение его жизни и учения с умонастроениями и реалиями современников подтверждает философскую интуицию о противоречивой двоичности человека, причудливо сочетающего в сознании элементы знания и веры. Интерпретации данного атрибута не обязательно провоцируют неуверенность и неопределенность, на которые часто сетуют философы и культурологи, но и открывают новые перспективы конструирования социоантропного бытия.

Полтора столетия назад, в 1852 г., видный французский историк-философ Жозеф Эрнест Ренан защитил диссертацию на тему «Аверроэс и аверроизм» а затем издал исторический очерк с аналогичным названием, в котором детально описал жизненный путь арабского мыслителя, содержание и судьбу его учения [1]. Однако, в отличие от мнения автора, изложенного в Предисловии к 1-му изданию книги: о том, что у Аверроэса нечему научиться [1, с. 7]; воспользовавшись первоисточниками, сочинением самого Ж.Ренана, а так же более поздними исследованиями творческого наследия арабского мыслителя попробуем доказать обратное.

Урок первый, каким быть философу?

Знакомство с биографией Ибн-Рушда позволяет сделать вывод о том, что он прожил достаточно долгую, насыщенную событиями и творчески-плодотворную жизнь. Родился будущий философ в 1126 г., в Кордове, в мусульманской испанской Андалузии, в одном из самых уважаемых и образованных семейств. Его дед и отец исполняли обязанности кордовских кади, давали различного рода советы правителям и членам магистратуры. Молодой Ибн-Рушд изучал теологию, мусульманское право, арабскую литературу и поэзию, медицину, математику и философию у лучших учителей своего времени. В 1153 г. он отправляется в Марокко, где организует научные и просветительские центры. Там же через известного арабского мыслителя Ибн-Туфейля он знакомится со склонным к просвещению «эмиром верующих» Абу-Якубом Юсуфом, поощрившим стремление Рушда взяться за комментарии к Аристотелю, к которым философ и приступил в 1171 г.. Еще прежде, в 1169 г. халиф назначил Ибн-Рушда кадием Севильи, а затем Кордовы. В правление сына Юсуфа, Якуба Альмансура («Победителя»), при котором государство Альмохадов достигло вершины своего могущества, в 1182 г., в Марокко, Рушд получил титул главного врача. Тогда же в полной мере расцвело и его философское творчество. Всего им было написано около 50 крупных сочинений (согласно Э. Ренану – 78 книг и трактатов), большинство из которых до сих пор еще хранится лишь в виде рукописей. Арабские оригиналы ряда сочинений мыслителя до нас не дошли и известны только в древнееврейском и латинском переводах.

Аверроэс составил большое число парафраз и комментариев к философским произведениям греческих, арабских и среднеазиатских мыслителей: написал комментарии к 18-ти произведениям

Аристотеля, в том числе к книгам «О животных», «Категории», к логическим произведениям, к сочинениям «Физика», «О небе», «Риторика», «Поэтика», «Метафизика», «Никомахова этика», «О душе» и др. Кроме того, он написал комментарии к произведениям Платона, Александра Афродисийского, Николая Дамасского, Птолемея, Галена, Фараби, Ибн-Сины, Газали и Ибн-Баджи.

При Альмансуре круто менялась жизнь философа – от внезапной опалы правителя и изгнания в 1195 г. в еврейское местечко Аль-Ясана близ Кордовы, до возвращения расположения «повелителя правоверных» незадолго до кончины. Умер Ибн-Рушд в Марокко 10 декабря 1198 г.

Несмотря на активное участие в политической и культурной жизни государства испанских омейядов, своей творческой деятельностью Аверроэс завершил целую эпоху блестящей арабской философии и одновременно построил мост к европейской христианской схоластике и далее, к Возрождению.

В отличие от политологии, в философии для определения места и роли мыслителя пока не разработана теория лидера (возможно, потому, что здесь уникальность и личность обладают безусловным приоритетом над общим). Поэтому за видными философами чаще закрепляют эпитеты «классик», «основатель», «последователь»... Если все же экстраполировать на философию политологическую модель, то к Аверроэсу можно смело применить все три ее измерения лидера: «теорию черт», «теорию последователей», «ситуационную». В этом случае место арабского мыслителя окажется очень близким к тому, что у греков называлось мерой, на языке здравого смысла именуется «золотой серединой», а в математике и в художественном творчестве «золотым сечением». Действительно, Ибн-Рушд и выдающийся философ, породивший многочисленных последователей, и дельный советчик в решении актуальных социально-политических проблем. Погруженность в дела государственные Аверроэс сочетал с напряженной научно-философской деятельностью. Длительное время он исполнял должностные обязанности судьи, врача, и одновременно был ученым, собеседником и наставником эмиров. Своевременная «подсказка» и дельный совет особенно были потребны испанским омейядам в тот период, когда они вели борьбу с соседними христианскими князьями, с африканскими берберскими племенами и стремились успокоить собственный народ.

Одновременно, как повествуют многочисленные легенды об Ибн-Рушде, все свое свободное от дел время он посвящал научной работе за исключением двух ночей – ночи своей свадьбы и ночи похорон отца, а для составления собственных книг он употребил десять тысяч листов бумаги. Внедряя теорию в жизнь, Аверроэс продолжил традицию Платона и предвосхитил французских просветителей.

В XXI в., в эпоху узких специализаций «двужилых» философов, подобных Аверроэсу, найти почти невозможно. В этой сфере знания сейчас отчетливо заметны две крайности: философский консерватизм «профессорской» философии (о которой с таким презрением отзывался Ницше), пытающейся всеми силами доступного ей словарного запаса, обезобразить философию и постмодернизм, размывающий смыслы, превращающий знание и жизнь в игру самовыражений. Оба полюса совпадают по результату – уничтожают значимость философии и ее саму. Но теория, которую нельзя применить на практике есть пустая болтовня. Причины такого положения требуют отдельного изучения. Несомненной, однако, выявляется потребность в возвращении философии критически-позитивного, этико-практического статуса. Конечно, немногие современные политики и бизнесмены, влияющие на судьбы народов, подобны Юсуфу, Альмансуру, Фридриху II Гогенцоллерну или Екатерине Великой. Но ведь они выросли, питаясь соками почвы, которая в условиях демократизации более насыщена и плодотворна, чем прежде. Превратить бесплодную глину догматичного или размытого сознания в культурный чернозем – насущная задача современной философии. Такую возможность подсказывает еще один пример истории: академический философ И. Кант в условиях, далеких от возможности влиять на прусских королей, провозгласил свой знаменитый «категорический императив», выделил этику в качестве главной сферы, в которой смыкаются теоретическое и практическое.

Возвращаясь вновь в средневековую Испанию, отметим, что большинство рассказов об Аверроэсе, приводимых его современниками и философскими наследниками, выставляли на вид его добродетели: терпение, незлопамятность, благородство, особенно по отношению к ученым. Именно поэтому, несмотря на то, что XII в. в Андалузии был веком обскурантизма и наступления религиозного фанатизма, благодаря отмеченным личным качествам, философ длительное время беспрепятственно высказывал свои идеи, а период отлучения от двора и гонений на его философию оказался непродолжительным.

Число басен, равно и объективных интерпретаций, циркулирующих вокруг исторических личностей пропорционально их славе, а последняя возникает из высказанных ими мыслей. Путь к разгадке Аверроэса открывает знакомство с его главными философскими тезисами, содержащимися, в основном, как было отмечено, в комментариях к «божественному» Аристотелю, которого, как считал Ибн-Рушд, Бог поместил на высшую ступень человеческого превосходства.

Итак, урок второй, какой быть философии? можно извлечь, рассмотрев решение Аверроэсом проблемы отношения философии к религии и их обеих – к истине.

В отличие от перипатетиков-предшественников, Аль-Фараби и Ибн-Сины, учение греческого классика Аверроэс изложил более полно, за что и получил прозвище «Великого комментатора». Кроме

того, он четко отделял суждения Аристотеля от собственных высказываний, подобно тому, как в исламе священный текст Корана отличают от калама – толкований нему.

При этом следует иметь в виду два обстоятельства. Первое связано с тем, что Ибн-Рушд читал Аристотеля в переводах, сделанных сирийскими философами за три века до него, что затрудняло объективно изучить и оценить наследие систематизатора знания античности. Смысл второго состоит в том, что Аверроэсу достался жребий последнего арабского перипатетика, интегрировавшего идеи Учителя со своеобразием арабской философии, значительно отличавшиеся от той, которая преподавалась в Лицее. Разбирая сочинения Аристотеля в форме парафраз, средних и больших комментариев, Аверроэс создал собственную метафизическую концепцию, суть которой в своеобразной интерпретации главной темы арабской и европейской схоластики – о соотношении веры и разума. Учитывая это, Э. Ренан внес коррективу в ранее данную им в Предисловии оценку философии арабского мыслителя. Он отмечал, что наружная скромность не должна вводить в заблуждение, что учение Ибн-Рушда, «рассматриваемое само по себе, не было лишено оригинальности» [1, с. 59].

Философские идеи Аверроэса возросли на плодородной почве предшествующей арабской философской мысли, общей приметой которой, по мнению известного исследователя араб-мусульманской культуры, автора книг об Ибн Рушде и Ибн Сине и др., А.В. Сагадеева был гуманизм. Проявлениями человечности в религии и в философии являлось признание отсутствия посредников между Богом и человеком а так же универсализм, опирающийся на мысль о единстве истины. Обе черты объединил еще один пункт арабской философии – теория разума. Универсализм и гуманизм разрабатывались первоначально в русле рационального толкования ислама, калама, а затем уже стали доминантой философских раздумий.

«Мусульманские философы считали, что человечество делится на разумное меньшинство, «избранных» и неразумное большинство, «массу». Интеллектуальная элита, в которой находит высшее свое воплощение человечность, или человеческая природа, обеспечивает преемственность и прогресс единого человеческого разума. В осуществлении этой миссии философы («избранные») видели свое счастье и предназначение, хотя «счастливыми могут быть все люди – каждый по-своему» [2, с. 183]. Условием достижения цели считалось единство интеллектуального и нравственного совершенствования, гарантирующее бессмертие. Сказанное можно дополнить указанием на еще одну черту, а именно: в отличие от европейской схоластики, арабоязычные мыслители, теологи и философы, уважительно относились к естественнонаучным исследованиям.

В ходе формирования отмеченных установок арабские философы разделились на два лагеря. Одни, Абу-Наср аль-Фараби («второй учитель» после Аристотеля), Ибн-Сина, Ибн-Туфейль, смысл человеческого бытия усматривали в совершенстве души, в приобщении ее к божественному разуму. Главным средством достижения цели, спасения, они считали рационально-философское, логически-безукоризненное мышление. Фактически это означало, что философия предшествует религии. Содержание добродетели конституируется строго аподейктически, по меркам разума, а не «по рассказам и бредням старух» (Ибн-Сина). Поэтому воскрешение касается лишь оживления духа, но не тела. Будучи реалистами, эти философы оставляли возможность спасения и простым людям, которые искренни и пользуются бесхитрым разумом, но отказывали в этом религиозным ортодоксам, переродившимся из свободных мыслителей в хитрецов мутазалитам и верующим, пытающимся придать научный статус аллегориям и сравнениям, в обилии встречающимся в Коране.

Лидер противоположного направления арабской философии, теолог Абу-Хамид аль-Газали, прошедший школу утонченного дискурсивного мышления, стремился отделить науку от философии, поставив разум на службу религии. Он считал, что логика и науки, например, физика и математика, сами по себе нейтральны. «Большое преступление перед религией совершают люди, решившие, что исламу можно помочь отрицанием математических наук!» [3, с. 225]. Со своими идейными противниками, которых Аль-Газали, не без оснований, обвинял в склонности к материализму, он предметно полемизирует по 20-ти вопросам в книге «Опровержение философов». Самыми опасными для вероучения мусульманский богослов считал неправильные решения философами трех проблем: 1) о вечности и изначальности мира, его несотворенности; 2) о незнании Богом частных явлений; 3) об отрицании воскрешения тел и дня страшного суда. Все три постулата, отмечал философ, ведут к отрицанию необходимости существования Творца и дают основания считать их сторонников неверными (кафирами).

Развернутые ответы знаменитому теологу Аверроэс дал в двух работах: в кн. «Рассуждение, выносящее решение относительно связи между философией и религией» и в «Опровержении опровержения» («Тахафут ат-Тахафут»). Во второй книге Аверроэс, скрупулезно исследуя текст работы Газали, последовательно опровергает его тезисы, ссылаясь на другие работы оппонента, в которых тот высказывал противоположные суждения. При этом Ибн-Рушд ничем не уступает своему визави в умении вести утонченный логический дискурс и окрывает новые возможности трактовки произведений Аристотеля. Так, если в вопросах о сущности причинности и времени теолог Газали, продолжая Августина и опередив Д.Юма, выдвинул аргументы в пользу субъективности, то, философ Аверроэс, в свою очередь,

привел доказательства их объективного понимания. Умаление значимости причинности, вытекающее из желания теологов отстоять догмат о божественном всемогуществе и способности Бога творить чудеса, философ приравнивает к отрицанию божественного разума, к коему сопричастен человек, ибо последний «есть не что иное, как постижение сущего по его причинам, и именно это отличает разум от всех других воспринимающих сил, так что то, кто отрицает причины, должен отрицать и разум» [4, с. 100].

Относительно обвинений аль-Газали перипатетиков в отказе Богу в возможности познавать индивидуальные вещи, Ибн Рушд признает, что такая трактовка не исключена, но уточняет, что нельзя говорить о том, что Бог познает универсальное и индивидуальное разными способами, поскольку такое утверждение дает слишком антропоморфное представление о Всевышнем. Божественное познание, во-первых, необъяснимо до конца, а, во-вторых, есть одновременно познание и общего, и индивидуального.

В целом, из знакомства с высказываниями, содержащимися в обеих книгах Ибн-Рушда, складывается впечатление, что позиции, занимаемые теоретическими противниками часто различаются не по сути, а по формулировкам. Это позволяет уловить в них общее – нацеленность через конечное на бесконечное, под которым оба мыслителя разумеют Абсолют, Сверхсущество, доступное вере-знанию или, наоборот, знанию-вере. На этой главной цели философских размышлений о жизни людей, объединяющей всех верующих мусульман а так же философию с религией, Аверроэс акцентирует внимание в заключительных строках «Опровержения опровержения». Он заявляет, что философия – спутница и молочная сестра религии. Поэтому обида, исходящая от тех, кто утверждает о своей причастности к ней, самая горькая, не говоря уже о вспыхивающей между ними вражде, ненависти и распре, в то время как они спутники по природе, друзья по сущности и врожденному предрасположению.

Дальнейшее развитие философии показало проницательность Ибн-Рушда, обнаружившего новые грани сходства философии и религии по их трансцендентному характеру и общей задаче – объединению людей вокруг общей идеи. Эти выводы выгодно отличают Рушда от аль-Газали, который умалял разум, обвиняя философов в неверии. Таким образом, позиция Аверроэса монистична и универсальна. Для него существует одна истина, достойная высших проявлений разума, Истина «с большой буквы», определяющая все частные знания, «ибо истина не противопоставляет себя истине, а согласуется с ней и служит доводом в ее пользу» [5, с. 752].

Но единство не означает однообразие. С точки зрения разумения священных текстов, считал Ибн-Рушд, люди делятся на три разряда. К одному относятся те, кто не способен к толкованию священных текстов. Это риторики, составляющие широкую публику, и нет ни одного здравомыслящего человека, который был бы лишен способности к риторическому суждению. К другому разряду относятся те, кто способен к диалектическому толкованию; это диалектики только по природе или по природе и по навыку. К третьему разряду относятся те, кто способен к аподейктическому толкованию; это аподейктики (философы) по природе и по науке. Последний вид толкования не подлежит разглашению перед диалектиками и перед публикой. Тем самым, Ибн-Рушд, вслед за Аль-Фараби, фактически признавал, что философия, оперирующая категориями и понятиями, стоит выше мнения толпы и религиозной веры.

Не первым в исламе и в арабской философии Рушд утверждал, что текст божественной Книги, открытой Пророком содержит как экзотерический буквализм (захир), так и множество эзотерических смыслов (батин). Но благодаря подтверждению этой мысли новыми аргументами, согласующимися с личным опытом, философ глубоко осознал, что раскрывая эзотерический смысл религиозных доктрин и предписаний слабым и неразумным духом, можно вызвать крупные общественные и психологические катастрофы и ереси.

Единство человечества с учетом различий, приоритет разумной, опирающейся на науку и философию составляющей души в продвижении к религиозной цели спасения – итог философских раздумий Ибн-Рушда. По сути, этот вывод диалектичен и предполагает дальнейшие уточнения и дискуссию. Но поэтому же при сильных порывах ветров бытия мировоззренческие веса веры и знания, божественного и человеческого разума, бесконечной и конечной истин, могут резко качнуться в сторону примитивного натурализма, «опьянения вещами» (Н.Н. Страхов), религиозной нетерпимости, либо к софистике, идеалистическим утопиям (к «пьянству духовному») или обскурантизму.

Стремясь объединить веру и знание, поднимая Истину Корана до уровня высшей способности духа, до философского разума, Аверроэс оказался в оппозиции как к мусульманской, так и к христианской (католической) официальной церкви. Даже по прошествии восьми веков, когда речь заходит о великом споре по поводу отношений между философией и религией, каждый историк философии стремится залучить Аверроэса в свой лагерь. Э. Ренан сделал из него свободного мыслителя. Современные исследователи арабской философии, напротив, стараются показать его апологетом Корана, теологом, не заботясь об объяснении этого термина.

Однако двойственность в одном есть проявление важнейшей особенности философского мирозерцания – парадоксальности, которая обладает и мощным эвристическим потенциалом. Народная мудрость, как напомнил в XVIII в. Григорий Сковорода, гласит, что только «неразумный двоих сосчитать не умеет». Позднее другой известный философ, Н.С. Трубецкой, подметил, что двоичность

восприятия компенсирует невозможность понять мир до конца. Под влиянием работ Ибн-Рушда, переведенных на еврейский и латинский языки, возник аверроизм, получивший развитие в XIII-XIV вв. на факультете свободных искусств Парижского университета (Сигер Брабантский, Боэций Дакийский и др.), в Падуанском и Болонском университетах в XIV-XVI вв., где его сторонниками были Марсилиус Падуанский, Паоло Венето и другие.

В XVI в. влияние идей Аверроэса заметно в творчестве Пьетро Помпонаци и Джордано Бруно. Движение латинских аверроистов в некотором смысле определило философский климат эпохи Высокой Схоластики, породив жаркую полемику с аверроистами выдающихся мыслителей того времени – св. Бонавентуры, Альберта Великого и Фомы Аквинского. В латинском аверроизме получила развитие и известная теория двух истин, сторонники которой (падуанская, шартрская школы), отстаивая автономность философии, допускали возможность противоречия между научно-философскими выводами и богословскими догмами.

В эпоху модерна и постмодерна, когда телос вначале «замутился» (Э. Гуссерль), а затем и вовсе почти исчез, с утратой философами (и не только ими) веры в Творца и в Спасение, возникла новая ситуация. С одной стороны, признавая потенциальную бесконечность мира, о которой вслед за Аристотелем говорил Ибн-Рушд, но бесконечность во всех направлениях, утверждать, что кто-либо приближается к познанию истины бессмысленно ввиду отсутствия оной, ведь нонсенсом становится само понятие «приближение». Логика в этом вопросе еще более бессильна, чем в прошлые эпохи – ибо более изощрена. Божественный Разум, отмечает немецкий культуролог-философ Петер Слотердаjk, уступил место «циническому разуму» [6]. С одной стороны, мы имеем наивных, идеологизированных, ослепленных жертв своих «собственных мнений», людей с «ложным сознанием», которыми манипулируют. Это – масса, «духовный животный мир». С другой стороны, существует элита, не поддающаяся манипуляции, мыслящая по ту сторону добра и зла. Это циники-реалисты, в теории преданные высочайшим идеалам, а на практике, – прагматики и стратеги. Они повинуются стремлению компенсировать любое разрастание реализма (аморализма) форсированием утопии и эрзац-морали. На последних страницах «Критики цинического разума» ее автор тревожно вопрошает: «Не укрепилась ли втайне связь нашей рациональности с «реализмом» и цинизмом уже настолько, что она более ничего не желает знать о каком-то ином разуме, кроме активистского?» [6, с. 789]. Поэтому вполне уместно сегодня вспомнить о том, что человеческий разум приобщается к мировому (общечеловеческому) разуму по нравственным меркам. Об этом убедительно свидетельствуют жизнь и творчество выдающегося арабского философа Ибн-Рушда (Аверроэса).

Библиографический список использованной литературы

1. Ренан Э. Аверроэс и Аверроизм: Исторический очерк. / Э.Ренан. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 248 с.
2. Сагадеев А.В. Гуманизм в классической мусульманской мысли / А.В. Сагадеев // Историческая психология и социология истории. — Волгоград, ООО «Изд-во «Учитель». — № 1/2009. — С. 180–186.
3. Григорьян С.Н. Из истории философов Средней Азии и Ирана / С.Н. Григорьян. — М., 1960. — 330 с.
4. Сагадеев А.В. Ибн-Рушд (Аверроэс) / А.В. Сагадеев. — М., 1973. — 180 с.
5. Ибн-Рушд. Опровержение опровержения / Ибн-Рушд // Антология мировой философии. В 4-х томах, Т. 1, Ч. 1 и 2. — М.: Мысль, 1969. — 936 с.
6. Слотердаjk П. Критика цинического разума / П. Слотердаjk. — Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. — 800 с.

Поступила в редакцию 23.11.2012 г.

Панченко О.В. Діалог релігії та філософії у творчості Аверроеса

Розглядається вплив релігійно-філософських ідей арабського мислителя Ібн-Рушда на розвиток європейської і арабської культур.

Ключові слова: віра, двоїстість, знання, істина, розум, людина.

Panchenko O. Dialog religion and philosophy of creativity Averroes

The religious-philosophical ideas' influences of the Arabic thinker Ibn-Rushd are considered on the European and Arabic culture development.

Keywords: faith, duality, knowledge, truth, reason, person.